DOI: 10.17976/jpps/2016.02.03

РИТОРИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА КАК ИНДИКАТОР ЗНАЧИМОСТИ ДРУГОГО. США И КНР В ВЫСТУПЛЕНИЯХ ПРЕЗИДЕНТОВ РФ (2000-2015 гг.)

О.Ю. Малинова

МАЛИНОВА Ольга Юрьевна, доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", главный научный сотрудник ИНИОН РАН. Для связи с автором: omalinova@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 23.12.2015. Принята к печати: 11.01.2016

Исследование проведено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 14-03-00490а

Аннотация. В статье рассматриваются нерешенные теоретические проблемы, связанные с понятием *Другого* – внешней по отношению к *Я* группы, в диалогическом сопоставлении с которой осуществляется идентификация Я. Данное понятие описывает фундаментальное, но чрезвычайно разноликое явление, которое нуждается в дифференциации и классификации. Автор утверждает, что решение многих теоретических споров, связанных с образом Другого, – в частности вопроса о факторах его *значимости* для конституирования Я, – лежит в эмпирической плоскости и связано с систематическим анализом социальных практик, существенным элементом которых является соотнесение с конкретными внешними группами. Одним из "полигонов" для изучения механизмов реализации символических функций Другого и факторов, обусловливающих его значимость, может служить политическая риторика. Разделяемые представления о внешних Других являются не только неотъемлемым элементом механизма конструирования макрополитических идентичностей, но и инструментом *символической политики* как публичной деятельности, связанной с производством и продвижением различных способов в*и*дения социальной реальности. В частности, они активно используются для легитимации властных решений. В статье демонстрируется, каким образом изучение способов репрезентации Других в контексте оправдания и оспаривания политического курса позволяет оценить их значимость. Предложена методика анализа, опирающаяся на теоретические догадки зарубежных и отечественных исследователей относительно факторов значимости Другого. Она включает "ручное" кодирование и подсчет частоты использования (качественный контент-анализ) фреймов, используемых для репрезентации Другого. Возможности данной методики демонстрируются на примере сравнительного анализа ссылок на Американского и Китайского Другого в выступлениях президентов РФ в контексте легитимации политического курса.

Ключевые слова: Значимый Другой; макрополитическая идентичность; символическая политика; политическая риторика; фреймы; смешанные методы; образ США; образ Китая.

Феномен *Другого* – внешней по отношению к *Я*-группе, в диалогическом сопоставлении с которой осуществляется идентификация Я, как правило рассматривается в контексте конструирования коллективных идентичностей, прежде всего – национальных / макрополитических[1] и этнических. Это одно

[1] Мы используем термины "макрополитические сообщества / идентичности" в качестве зонтичных, охватывающих весь спектр понятий, применяемых для описания сообществ / идентичностей, стоящих за государствами – "национальные", "государственные", "гражданские" и т.п.

из классических понятий теоретической социологии и философии[2]. Со времен Ж.-Ж. Руссо и Г.В.Ф. Гегеля считается общепринятым, что Я невозможно без Другого, поскольку таковой не только задает границы, необходимые для самоопределения Я, но и формирует пространство диалога, в котором происходят взаимосвязанные процессы идентификации и самоидентификации. Интерес к проблематике идентичности, наблюдающийся в последние десятилетия, способствовал более широкому использованию концепта Другого в различных социально-научных и гуманитарных дисциплинах: из философии и *cultural studies* он перекочевал в психологию, антропологию, географию, социологию, политическую науку и международные отношения, а также в междисциплинарные области исследований национализма и этничности, миграции и постколониальных процессов. Поиск по ключевым словам выявляет десятки публикаций, в названиях которых присутствуют термины "Другой" / "*the other*" / "*othering*". При этом нередко они используются без определения [см. напр. Representations... 2004; Морозов 2009; Крестинина 2011 и др.]. Возможно, это связано с тем, что понятие Другого берется в качестве интуитивно "очевидной" отправной точки: поскольку внимание большинства авторов сосредоточено на конституировании Я, Другой интересует их преимущественно в качестве абстрактного носителя функции "зеркала" или "маркера границы".

Феномен Другого: нерешенные теоретические проблемы

Однако более пристальное прочтение литературы показывает, что в исследовании феномена Другого и его отношений с Я есть немало нерешенных проблем [подробнее см. Малинова 2015].

Во-первых, следует признать, что, претендуя на универсальность, данное понятие не отличается строгостью. Его семантика связана с инаковостью, наличием различий, которые воспринимаются как значимые, способные задавать границы. Очевидно, что инаковость может иметь различные социальные последствия, спектр которых варьируется от признания несходства Я и Другого до антагонизма и враждебности. Кроме того, поскольку категория Другого описывает конструирование границ, она предполагает процедуру исключения[3], полного, либо частичного. Вместе с тем маркер Другого достаточно часто – особенно в политическом контексте – ассоциируется именно с антагонизмом и крайними формами исключения. Например, по утверждению О.В. Поповой, "процесс формирования *политической идентичности* (курсив автора – *О.М.*) предполагает осознание кого-либо в качестве 'чужака' или 'врага', так как одним из компонентов близости является отдаление, и тождество с определенной группой людей или идей не будет по-настоящему полным без эффективного отрицания другой части" [Попова 2011: 191]. Подобный подход, развивающий интерпретацию политического К. Шмиттом, имеет немало последователей среди современных политических философов. Но в социальной практике использование различий для конструирования границ не всегда сопряжено с "эффективным отрицанием" – напротив, в современном мире имеет место умножение гибридных идентичностей, основанных на частичном включении / исключении, и вопрос о механизмах политической

[2] Анализ современных философско-культурологических подходов см. [Романова и др. 2013].

[3] Именно это качество является определяющим в некоторых дефинициях. См. напр. у Ц. Тодорова: Другой – это "специфическая социальная группа, к которой мы не принадлежим" [Todorov 1992: 3].

мобилизации таких идентичностей – эмпирический, а не теоретический. Не случайно многие исследователи, описывая это отношение, отказываются "предполагать априори, что различия непременно ведут к противопоставлению на уровне поведения", и предпочитают говорить о "разных способах отношения к различиям на эпистемологическом и поведенческом уровнях, которые требуется устанавливать эмпирически" [ср. Petersoo 2007: 119; Bukh 2009: 320; Tekin, 2010: 13-14; McDonagh 2015: 629]. Кроме того, многие разделяют представление, согласно которому противопоставление Другому может быть не только "негативным", но и "позитивным" [Rumelili 2004; Berenskoetter 2007]. Если признать реляционность социальных идентичностей, т.е. тот факт, что в их основе лежит (со)отношение с Другими, получается, что данный концепт описывает фундаментальное, но чрезвычайно разноликое явление, которое нуждается в дифференциации и классификации.

Таким образом, хотя противопоставление Я и Другого является непременным условием конструирования идентичности, оно не обязательно должно принимать форму антагонизма. На практике имеет место широкий спектр вариаций, которые нуждаются в эмпирическом исследовании.

Во-вторых, несмотря на то, что на роль Другого для территориально-политических сообществ различного уровня почти автоматически "назначаются" их "аналоги", вопрос о том, в какой мере функция Другого имманентна именно территориальным сообществам, является предметом споров. Некоторые авторы высказывают сомнения в том, что конструирование политических идентичностей в глобализирующемся мире непременно требует наличия внешних Других, ассоциируемых с территориально-политическими единицами [Abizadeh 2005]. Вместе с тем случай Евросоюза дает основания для дискуссии относительно универсальности пространственного принципа представления Другого. В 1996 г. Оле Вевер поставил вопрос о возможности его темпоральной альтернативы – воображения Нас по контрасту с Нашим собственным прошлым [Waever 1996]. У этой идеи нашлось немало противников [см. напр. Diez 2004; Prozorov 2011; Johnston, Coleman 2012 и др.]. Однако это не означает, что временной принцип противопоставления не имеет значения для конструирования идентичностей. Напротив, на наш взгляд, значение инициированной Вевером дискуссии – именно в том, что она привлекла внимание к диалектике геополитики и политики памяти как способов воображения Другого[4], которая нуждается в дальнейшем исследовании (причем не только на европейском материале).

В-третьих, несмотря на всеобщее убеждение в том, что "идентичности формируются через противопоставление идентичностям Значимых Других" [Smith 1992: 75], в теоретических исследованиях нет единства в понимании того, в каких случаях Другой может считаться *значимым* и что делает его таковым. Географы Кори Джонстон и Аманда Коулман предлагают использовать термин *Значимого Другого* для "идентичности, которая осмысливается в качестве наиболее противоположной [Я. – *О.М.*], наиболее актуальной (*pressing*) или своевременной (*timely*) и выдвигается на первый план в проблематике идентичности" [Johnson, Coleman 2012: 865]. Это определение не связывает значимость с конкретными характеристиками рассматриваемого отношения – лишь с тем, насколько существенно (со)отнесение с Другим в контексте обсуждения проблем, связанных с идентичностью Я. Иной подход предложен исследовате-

[4] Интересные наблюдения на этот счет можно обнаружить в книге Хопфа о социальных структурах советской и российской идентичности [Hopf 2002].

лем национализма Анной Триандафиллидоу. Она закрепляет роль Значимого Другого за "другими нациями и / или государствами, от которых данное сообщество пыталось освободиться и / или стремится себя отличить" [Triandafyllidou 1998: 595]. Увязывая значимость Другого с отношениями, возникающими между конкурирующими группами в контексте нациестроительства, Триандафиллидоу приходит к выводу, что "в каждый отдельно взятый момент времени у нации есть лишь один значимый другой, влияющий на формирование или трансформацию ее идентичности" [ibid.: 600]. Однако большинство исследователей не разделяют идею эксклюзивности Другого – напротив, многие авторы полагают, что "идентичности конституируются через отношения со множественными Другими, которые по-разному воздействуют на идентичность Я, а не относительно единственного архетипического Другого, представляющего анти-Я" [Morozov, Rumelili 2012: 32; ср.: Petersoo 2007: 119; Bukh 2009: 320].

Выделенные проблемы не исчерпывают круг теоретических разногласий по поводу фигуры Другого. Однако очевидно, что ключ к решению многих спорных вопросов лежит в эмпирической плоскости: перенос концепта "Другого" из философии в социальные науки требует проблематизации того, что кажется "очевидным", и постановки вопросов, ответы на которые не могут быть получены исключительно в рамках теоретических дискуссий. Материалом для наблюдений могут служить любые социальные (в том числе – дискурсивные) практики, существенным элементом которых является соотнесение с конкретными внешними группами. На наш взгляд, систематический анализ такого рода практик дает возможность получить ответы на вопросы о механизмах реализации функции Другого и о факторах, обусловливающих его значимость.

В настоящей статье мы попытаемся показать, каким образом риторика лидера государства может служить эмпирическим "полигоном" для изучения того, как разделяемые представления о Я и Другом работают в политическом контексте. Теоретической рамкой для нашего анализа служит концепция символической политики [см. Малинова 2012; Поцелуев 2012; Brysk 1995 и др.], в логике которой использование в риторике лидера государства образа Другого может рассматриваться как манипулирование репертуаром социально разделяемых представлений для легитимации собственного политического курса. Поскольку конфигурация этого репертуара определяет как возможности, так и ограничения для такого манипулирования, выбор, осуществляемый спикером, отражает паттерны восприятия Другого, которые кажутся релевантными для конкретного контекста и целевой аудитории. В силу этого анализ ссылок на иные макрополитические сообщества в контексте легитимации политического курса (прежде всего – применительно к внутренней политике) позволяет оценить их значимость в качестве Другого.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА КАК ИСТОЧНИК ДАННЫХ ДЛЯ ОЦЕНКИ ЗНАЧИМОСТИ ДРУГОГО

Рассуждения о Значимых Других играют заметную роль в коммуникации по поводу оправдания и критики текущего политического курса. По-видимому, это не случайно. Макрополитические сообщества, "стоящие за" другими государствами, *значимы* не только в качестве потенциальных противников / врагов или партнеров / друзей на международной арене, но в качестве носителей социального или политического опыта, обусловившего их успехи и неудачи и способного служить для Нас ориентиром.

Будучи важным элементом механизма конструирования макрополитической идентичности, разделяемые представления о внешних Других в то же время являются одним из инструментов *символической политики* как публичной деятельности, связанной с производством и продвижением различных способов в*и*дения социальной реальности. В частности, они систематически используются для легитимации и делегитимации властных решений. При этом акторы, апеллирующие к образам Другого, опираются на представления, стереотипы, мифы, символы и прочие когнитивные структуры, существующие в массовом сознании. Оперируя этим репертуаром, они, с одной стороны, участвуют в его пополнении и трансформации, а с другой – ограничены его наличной конфигурацией. Последняя как раз и является существенным элементом той суммы представлений, которая составляет ядро Нашей "идентичности". Таким образом, изучение способов репрезентации Значимых Других в контексте оправдания и оспаривания политического курса не только пополняет наши знания о конструировании коллективных идентичностей, но и позволяет выявить механизмы функционирования последних в политическом контексте. В частности, как мы попытаемся показать, практика риторического использования Другого дает возможность оценить его значимость.

Хотя пока нет надежных теорий, объясняющих, что именно делает Другого значимым, в литературе можно обнаружить ряд более или менее проверенных догадок на этот счет. По мнению американского политолога Анны Нортон, "индивидуальные и коллективные идентичности творятся не просто через различие между Я и Другим, но в моменты неоднозначности, когда Я выступает как Другой по отношению к самому себе, а также через признание Другого как подобного" [Norton 1993: 7]. Если это предположение верно, группа, которая в чем-то похожа и одновременно в чем-то отлична от Нас, имеет больше шансов оказаться Значимым Другим, нежели группа, чье несходство с Нами настолько несомненно, что исключает возможность тождества. По-видимому, наиболее вероятные кандидаты на эту роль – "пороговые (*liminal*) группы", характеризующиеся одновременно сходством и несходством с Я. Идея Нортон была принята на вооружение другими исследователями. Так, например, именно "пороговым" характером образов России и Турции И. Нойманн объяснял их значимость в качестве Других Европы [Neumann 1999]. Позже В. Морозов и Б. Румелили на тех же двух примерах исследовали различные стратегии конструирования идентичностей в "пороговых" ситуациях [Morozov, Rumelili 2012]. На важность фактора смыслового конфликта указывает и предположение Д. Кэмпбелла о том, что Другой воспринимается как угроза, когда он "оспаривает естественность притязаний конкретной идентичности на роль истинной идентичности" [Campbell 1992: 3].

Суммируя эти догадки, можно заключить, что значимость Другого не является простой производной от интенсивности его взаимоотношений с Я (хотя этот фактор также важен) или от степени противоречивости / враждебности таковых. Значимость также предполагает семантическую напряженность, оспариваемость границ между Я и Другим, конкуренцию интерпретаций Другого.

Это позволяет уточнить круг возможных индикаторов значимости, актуальных для исследования политической риторики. Во-первых, на основании определения *Значимого Другого*, предложенного Джонстон и Коулман (см. выше), в качестве одного из таких индикаторов можно рассматривать *частоту обращения к Другому в контекстах, предполагающих артикуляцию идентичности Я*.

Во-вторых, учитывая, что возможности риторического использования Другого определяются конфигурацией разделяемых представлений о нем, косвенным свидетельством его значимости можно считать *разнообразие семантического репертуара* образов, мифов, стереотипов, символов, *используемых для его описания*. Эти индикаторы допускают количественную оценку, что делает их удобными для выявления паттернов риторического использования конкретных Других.

Однако для определения степени значимости Другого важно не только насколько часто он упоминается, но и какова смысловая нагрузка этих упоминаний. Очевидно, что ссылки на иные макрополитические сообщества в речах политиков могут выполнять множество разных функций. Для оценки последних нам представляется полезным разграничение *"внешнеполитической" (прагматической)* и *"экзистенциальной" (мировоззренческой)* составляющих образа Другого, предложенное Г.Г. Дилигенским для анализа смысловой нагрузки образа "Запада" в российском сознании. По мысли Дилигенского, "внешнеполитический" компонент образа "Запада" представляет собой "комплекс представлений, эмоций, аспираций, порожденных проблемой места и политической роли России в современном мире", тогда как "экзистенциальный" связан "с гораздо более глубинной и долговременной проблематикой цивилизационного самоопределения России" [Дилигенский 2002: 87]. Первый аспект образа Другого в большей мере отражает текущее состояние отношений с ним как партнером на международной арене; он относительно легко корректируется в зависимости от политических и прагматических соображений. Второй же аспект связан с проблематикой цивилизационного самоопределения и оценкой пригодности опыта Другого в качестве образца для подражания; он отражает глубинные мировоззренческие установки и опирается на исторически сложившиеся когнитивные структуры. При этом оба эти аспекта образа Другого относительно автономны, хотя и взаимосвязаны [там же: 88]. Можно предположить, что именно наличие экзистенциальной составляющей отношения *Я – Другой* позволяет говорить о значимости последнего. С этим вполне согласуется и рассмотренная ранее догадка относительно связи между неоднозначностью границы между Я и Другим и его значимостью: ведь именно в "экзистенциальном" контексте, когда сходства и различия Нас и Другого оказываются предметом напряженного оспаривания, возникает та потребность в постоянном соотнесении и противопоставлении, которая делает именно этого Другого необходимым условием идентификации Я. Ссылки на "внешнеполитическую" составляющую образа Другого (применительно к нашему исследованию представляется более удобным называть ее "прагматической") более непосредственно подчинены задачам, вытекающим из конкретного политического контекста; поэтому их частота не обязательно свидетельствует о его значимости для самоидентификации Я. Вместе с тем, поскольку функции образа Другого, выделенные Дилигенским, не исчерпывают всего спектра интенций обращения к нему, представляется целесообразным рассматривать "прагматический" или "экзистенциальный" характер высказывания в качестве полюсов континуума, описывающего различные практики риторического использования этого образа.

Описанные выше теоретические догадки послужили основой для разработки методики нашего сравнительного исследования практики использования Американского и Китайского Другого в риторике президентов РФ.

Методика анализа риторического использования Другого в выступлениях президентов РФ

"Запад" традиционно рассматривается в качестве "главного" Значимого Другого для русской / советской / российской идентичности. Разумеется, наполнение данного понятия варьируется в зависимости от контекста, однако с большой долей уверенности можно утверждать, что со второй половины XX в. в роли "главного" представителя "Запада" в глазах советского / российского общества выступают США. Неудивительно, что существует богатая традиция рефлексии отношения к "Западу" / США как Значимому Другому, внутри которой сложились идеологические водоразделы, до сих пор определяющие структуру российского политического спектра. Но в этой формуле был и третий элемент – "Восток", в воображении которого российская элита в XIX в. твердо следовала европейской парадигме ориентализма [Said 1979]. В XX в. "формулы соотнесения" с Западным и Восточным Другим, сложившиеся в предыдущем столетии, неоднократно подвергались пересмотру [Hopf 2002: гл. 3, 4; Лукин 2007]. Изменения миропорядка, последовавшие после завершения холодной войны, побуждают к дальнейшей трансформации системы координат, в которой конструируется российская идентичность, и в частности – к переоценке значения Китая. Бурный экономический рост этой страны в последние десятилетия заставляет рассматривать ее не только как пример успешной модернизации по "незападной" модели, но и как возвышающуюся великую державу, которая в перспективе может стать источником угроз для России. Таким образом, США и Китай могут рассматриваться в качестве Других, значимых для самоопределения российских политических элит как в "прагматическом", так и в "экзистенциальном" смысле. Данное обстоятельство делает практику использования их образов удобным объектом для анализа дискурсивных эффектов, возникающих при обсуждении текущего политического курса в публичном пространстве, и в частности – для анализа дискурсивных стратегий различных политических акторов.

Материалом для нашего анализа послужили выступления президентов Д.А. Медведева и В.В. Путина с 2000 по июнь 2015 гг. В рассматриваемый период российско-американские и российско-китайские отношения существенно и в целом разнонаправленно изменялись. Так, отношения с США переживали то взлеты (после террористических атак 11 сентября 2001 г. и в 2009-2010 гг. в ходе "перезагрузки" после избрания президентом Б. Обамы), то падения (наиболее значительные – в период "августовской" войны в 2008 г. в Южной Осетии и "украинского кризиса" 2014-2015 гг.). В то же время сотрудничество с Китаем последовательно развивалось в направлении "стратегического партнерства", которое приобрело для России особую значимость после присоединения Крыма и охлаждения отношений с западными странами. Это обстоятельство дает возможность проследить диалектику экзистенциальной и прагматической составляющей образов Другого.

Поскольку нашей целью было изучить практику использования Американского и Китайского Другого в контексте легитимации политического курса, для анализа были взяты выступления президентов РФ на мероприятиях, предполагавших диалог с другими российскими политиками – заседаниях Государственного совета, встречах с представителями фракций Государственной Думы и непарламентских партий, а также стенограммы

"прямых линий" и ежегодных больших пресс-конференций президента России В.В. Путина для российских и зарубежных СМИ, доступные на портале "Президент России" (http://www.kremlin.ru/). Эти форматы а) разъясняли и легитимировали текущий политический курс, б) предполагали относительную спонтанность высказывания (что важно для выявления ментальных установок говорящего), в) широко освещались СМИ.

Все тексты, отвечающие критерию темы (обсуждение внутренней или внутренней и внешней политики) и формата (диалог, предполагающий спонтанную реакцию), были подвергнуты предварительному контент-анализу, по результатам которого были отобраны стенограммы, содержавшие упоминания о США, американских политиках, американцах и / или КНР, китайских политиках, китайцах. Такие отсылки были обнаружены в 58% текстов, отвечающих критериям темы и формата, что свидетельствует о достаточно высокой востребованности данного символического ресурса. В общей сложности было проанализировано 11 стенограмм, относящихся к первому президентскому сроку В.В. Путина, 12 – ко второму, 16 – датированных периодом президентства Д.А. Медведева и 17 – за первые три года третьего срока В.В. Путина (с мая 2012 по июнь 2015 гг.).

Целью анализа было выявить и классифицировать основные *фреймы* репрезентации Американского и Китайского Другого, а также проследить динамику их использования в указанном контексте. Термином *"фреймы"* принято обозначать устойчивые когнитивные структуры, которые обеспечивают функцию метакоммуникативного определения ситуации, задавая смысловые рамки для ее репрезентации и понимания. Логично предположить, что апелляция к опыту Другого в контексте легитимации политического курса выполняет эту функцию за счет сопряжения разделяемых представлений о Другом с конкретными фреймами.

Процедура качественного контент-анализа, посредством которого проводился анализ фреймов, состояла из двух этапов. На первом этапе индуктивным путем на ограниченной выборке стенограмм был сформирован первоначальный список фреймов, который был затем обобщен на основе пяти критериев: 1) объект(ы) характеристики / оценки (Другой вне прямого сопоставления с Нами, отношение Другого к Нам, Наше отношение к Другому, сравнение Нас и Другого), 2) нормативные основания оценки (нормы, безусловно разделяемые Нами и Другим; формально разделяемые, но по-разному интерпретируемые нормы; несогласие с нормами Другого), 3) оценка Другого (позитивная, нейтральная, негативная), 4) установка, исходя из которой производится оценка (ценностная или прагматическая), 5) связь с Нашей безопасностью (негативная, позитивная, отсутствует). В результате был получен список из 25 фреймов (см. табл. 1), с использованием которых на втором этапе производилось кодирование основного массива текстов. В качестве единицы анализа выступал связный фрагмент текста, смысл которого соответствует критериям одного из выделенных фреймов. Если разные части одного и того же предложения содержали признаки нескольких фреймов, их кодирование производилось последовательно. Выделенные таким образом фреймы подсчитывались, что позволило сравнивать практику их использования. Методику дополнял смысловой анализ высказываний, задачей которого было соотнести выделенные фреймы с континуумом функций Другого, заданным полюсами его экзистенциальной и прагматической составляющей.

Таблица 1 (Table 1)

Фреймы репрезентации Американского и Китайского Другого в риторике президентов РФ, 2000-2015 гг.

Frames that Represent the American and Chinese Other in the Rhetoric of the Presidents of Russia, 2000-2015

Фрейм	Выступления									
	В.В. Путин, 2000-2004		В.В. Путин, 2004-2008		Д.А. Медведев, 2008-2012		В.В. Путин, 2012-июнь 2015		Всего	
	А. Д.	К. Д.	А. Д.	К. Д.	А. Д.	К. Д.	А. Д.	К. Д.	А. Д.	К. Д.
1. Другой как пример, которому стоит следовать	–	–	–	1	9	–	3	–	12	1
2. Сравнение с Другим как способ оценки Нас	3	–	12	5	4	1	9	1	28	7
3. Опыт Другого как оправдание нашей практики	3	–	3	–	6	–	5	1	17	1
4. Позитивная оценка отношения Другого к Нам	5	–	1	2	1	–	–	2	7	4
5. Одобрение поведения Другого / Другой разделяет Наши ценности и принципы	1	–	1	2	1	–	5	2	8	4
6. Установка на сотрудничество с Другим / Характеристика Другого как партнера	12	8	16	10	5	1	6	10	39	28
7. Мы считаем Другого другом	2	1	–	–	–	–	–	2	2	2
8. Личное отношение к Другому / цитирование Другого	5	1	3	–	2	–	–	–	10	1
9. Мы понимаем позицию Другого / признаем объективность его проблем	5	–	1	–	1	–	–	1	7	1
10. Другой в действительности не несет угрозы	–	1	–	–	1	–	1	1	2	1
11. Совпадение интересов / позиций	4	–	1	–	–	–	1	3	6	3
12. Другой – Наш конкурент	–	1	–	2	1	–	1	2	2	5
13. Мы не считаем Другого врагом	1	–	3	–	–	–	–	–	4	–
14. Констатация различия позиций / несовпадения интересов	3	1	5	–	2	–	–	–	10	1
15. Автономия от Другого / Акцент на различия	1	–	2	1	7	–	3	1	13	2
16. Утверждение равенства с Другим / подтверждение значимости Нас и Другого	–	–	4	1	1	1	1	1	6	3
17. Доказательство Нашей правоты в споре с Другим	2	–	–	–	–	–	2	–	4	–
18. Асимметричность отношений: Мы больше расположены к сотрудничеству, чем Другой	1	–	–	–	–	–	3	–	4	–

Продолжение таблицы 1

19. Воспроизводство отрицательных стереотипов о Другом	–	–	–	1	2	–	–	–	2	1
20. Критика Другого	2	–	3	–	8	–	16	–	29	–
21. Другой применяет в отношении Нас двойные стандарты / Не следует декларируемым им принципам	1	–	4	–	–	–	6	–	11	–
22. Нормативный конфликт: Другой нарушает нормы, которые Мы считаем правиль-ными / Нормы Другого для Нас неприемлемы	1	–	5	–	1	–	1	–	8	–
23. Другой как угроза Нашей безопасности	–	–	–	–	1	–	4	–	5	–
24. Другой относится к Нам недружественно / не так, как мы этого заслуживаем	–	–	6	–	2	–	9	–	17	–
25. Недоверие Другому	–	–	–	–	–	–	2	–	2	–
Итого:	52	13	70	25	55	3	78	27	255	68

Примечание: А. Д. – Американский Другой; К. Д. – Китайский Другой.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АМЕРИКАНСКОГО И КИТАЙСКОГО ДРУГОГО В РИТОРИКЕ ПРЕЗИДЕНТОВ РФ, 2000-2015 гг.

Наш анализ показал, что образы Американского и Китайского Другого – это символический ресурс, которым президенты РФ достаточно активно пользуются, объясняя и обосновывая реализуемый ими политический курс – в том числе и в режиме диалога с другими российскими политиками и рядовыми гражданами. Вместе с тем имеются очевидные различия в выборе смысловых рамок их репрезентации.

Американский Другой упоминается в рассмотренных нами президентских выступлениях почти в 4 раза чаще, чем Китайский (нам удалось выделить 255 связных фрагментов, посвященных США, американским политикам и американцам и 68 – КНР, китайским политикам и китайцам). По-видимому, это следствие не только важности США в качестве партнера, но и большей насыщенности репертуара смыслов, связываемых с Американским Другим (для его характеристики применяются все 25 выделенных нами фреймов, тогда как в отношении Китайского Другого – лишь 16). Однако Китайский Другой оценивается более позитивно, нежели Американский, что вряд ли удивительно, учитывая динамику российско-китайских и российско-американских отношений в рассматриваемый период (см. рис. 1).

Имеются также заметные различия между периодами, которые можно объяснить не только эволюцией отношений с США и КНР, но и персональными особенностями риторики В. Путина и Д. Медведева. В контексте обоснования собственного политического курса Медведев чаще использовал пример США (в положительном или критическом смысле), и существенно реже – пример КНР. Однажды он прямо заявил, что не готов рассматривать китайский опыт как модель для России[5].

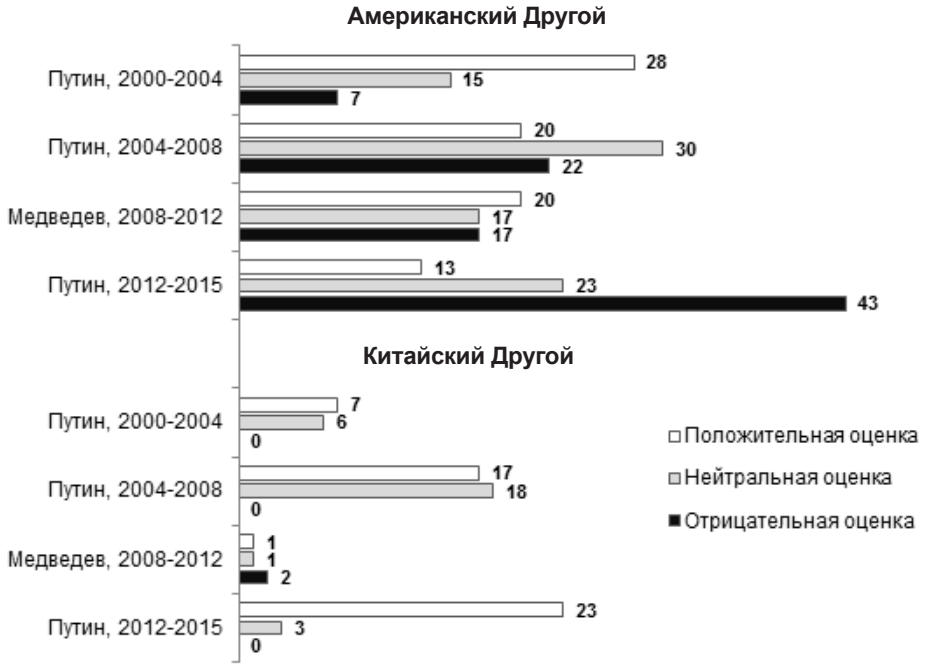
Однако наиболее интересны различия в использовании фреймов, выделенных на первом этапе нашего анализа. Наиболее часто используемым оказался фрейм, представляющий *Другого как партнера* (фрейм 6 в табл. 1).

[5] Встреча с ведущими российскими и зарубежными политологами. – *Портал "Президент России"*. 10.09.2010. Доступ: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/8882 (проверено 07.10.2015).

Он характеризует Наше позитивное восприятие Другого либо Нашу установку на сотрудничество с ним и нередко служит "дипломатической" формулой вежливости. Этому фрейму соответствует 41% высказываний о Китайском и 15% высказываний об Американском Другом, что свидетельствует о большем разнообразии смысловых функций упоминаний о последнем.

Рисунок 1 (Figure 1)

Репрезентации Американского и Китайского Другого
в выступлениях В.В. Путина и Д.А. Медведева (2000-2015 гг.)
Representations of the American and Chinese Other
in the Speeches of V.V. Putin and D.A. Medvedev (2000-2015)

Вторым по употребляемости оказался фрейм 2, предполагающий *сравнение с Другим как способ оценки Нас*. Данный фрейм подчеркивает значимость Других не только как партнеров на международной арене, но и в качестве ориентиров для оценки Наших успехов или неудач. Примечательно, что ему соответствуют по 11% высказываний как о США, так и о КНР, что вполне адекватно их статусу в качестве лидеров мировой экономики.

Вместе с тем примечательны различия в использовании фреймов, предполагающих сравнение с Другим в более "экзистенциальных" смыслах, идентификацию с ним, "признание Другого как подобного" Нам [Norton 1993: 7]. Несмотря на критику, Американский Другой часто представляется как *пример, которому стоит следовать* в различных областях внутренней политики от экономической политики до туризма (фрейм 1 в табл. 1). В анализируемом нами массиве текстов Китайский Другой представлялся в этом качестве лишь один раз, когда за образец предлагалось взять Банк развития Китая. Кроме того, ссылки на Американского Другого нередко служат для *оправдания Нашей прак-*

тики (фрейм 3 в табл. 1), причем ухудшение отношений с США не изменило частоты использования данного фрейма. Например, В.В. Путин неоднократно аргументировал необходимость принятия поправок в закон об общественных организациях, обязывающих НКО, которые получают иностранное финансирование, регистрироваться в качестве "иностранных агентов", ссылками на аналогичный американский закон. Во время многочасовой пресс-конференции в декабре 2012 г. он говорил: *"В США этот закон действует с 1938 года, и не только действует, потому что он был принят в борьбе с нацистской угрозой, сегодня нет никакого нацизма, а он действует, реально применяется в том числе и к нашим организациям, которые пытаются там наладить какую-то работу, в Соединенных Штатах Америки. Примеры есть буквально месячной давности. Почему мы такого себе не можем позволить? И что здесь недемократичного?"*[6]. В этом и других случаях ссылки на опыт Другого служат для подтверждения "нормальности" российских политических практик.

США оказываются в этом отношении более удобным объектом соотнесения, нежели Китай. Единственный в нашей выборке случай использования фрейма 3 применительно к Китайскому Другому имел место на той же пресс-конференции. Возражая своим виртуальным критикам, Путин доказывал преимущества политической стабильности, апеллируя к опыту Китая: *"Как бы там ни ругали политическую систему в Китае, а деньги туда идут и прежде всего, потому что там стабильно, потому что инвесторы знают, что они могут рассчитывать, что в ближайшие 5-10-15 лет их деньги не растворятся в результате каких-то политических потрясений, это важнейшее условие стабильности"*[7]. Примечательно, что, сочтя возможным использовать пример Китая в качестве аргумента в виртуальном споре с внутренней оппозицией, критиковавшей недемократичность его режима, Путин счел нужным оговориться: "Это не значит, что мы должны сделать такую же систему, как в Китае..."[8]. Китайский пример часто служит ориентиром (в том числе – для оценки российского опыта и достижений), но не в качестве модели, пригодной для прямого заимствования.

В качестве индикатора восприятия значимости Другого также можно рассматривать фрейм *автономии / акцентирования различий* (фрейм 15 в табл. 1). Он тоже связан с фактором "подобия Другому", но в негативном смысле. Отрицание пригодности опыта Другого и утверждение Нашей самобытности само по себе свидетельствуют о наличии некой семантической напряженности: ведь необходимость утверждать границу между Я и Другим возникает тогда, когда она не вполне очевидна. В нашей выборке данный фрейм был 13 раз использован применительно к Американскому Другому и 2 раза – применительно к Китайскому Другому (причем оба раза – в контексте ответа на вопрос из аудитории: в 2007 г. во время "прямой линии" Путин пояснял, что считает "малоперспективным" следить за "мировой паутиной", как это делается в Китае[9], в 2012 г. на "большой"

[6] Путин В.В. Пресс-конференция Владимира Путина. – *Портал "Президент России"*. 20.12.1012. Доступ: http://kremlin.ru/news/17173 (проверено 07.10.2015).

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Стенограмма прямого теле- и радиоэфира ("Прямая линия с Президентом России"). – *Портал "Президент России"*. 18.10.2007. Доступ: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24604 (проверено 07.10.2015).

пресс-конференции он объяснял, почему для России неприемлем китайский опыт борьбы с коррупцией[10]). Применительно к Американскому Другому тема "самостоятельного" пути России звучала в выступлениях Путина и Медведева заметно регулярнее, причем нередко – по инициативе самого спикера.

Несмотря на то, что в высказываниях о Китайском Другом преобладают положительные оценки, его "экзистенциальная" функция выражена слабо: хотя президенты РФ охотно говорят об успехах Китая, они редко репрезентирует его опыт как пример, на который Россия должна равняться. Китай представляется как хороший партнер, с которым у Нас есть общие интересы и отчасти – общее понимание мировых проблем. Однако отношение к этому Другому – преимущественно прагматическое, оно не окрашено ценностями, способными вызывать как искреннюю симпатию, так и яростные споры.

Американский Другой часто становится объектом критики, а его поведение нередко характеризуется как недружественное, таящее угрозу для России. Для характеристики Китайского Другого эти фреймы в рассмотренном нами массиве текстов не используются, что тоже примечательно, поскольку они достаточно широко представлены в публичном дискурсе [Лукин 2007]. При этом в плоскости безопасности рассматриваются не только решения США о размещении системы противоракетной обороны в Восточной Европе, но и действия американских властей, которые *"не дают нам никакого доступа [к усыновленным российским детям], а ведут себя вызывающе и надменно" и "принимают решения, которые нам кажутся юридически необоснованными в отношении тех, кто, на взгляд наших экспертов, совершил очевидные правонарушения в отношении усыновленных детей"*[11]. Напротив, среди упоминаний о Китае можно выделить высказывания, опровергающие якобы исходящие от него угрозы[12]. Таким образом, опираясь на идеи представителей Копенгагенской школы международных исследований [Buzan, Waever, de Wilde 1998], можно сказать, что в дискурсе об Американском Другом преобладает стратегия секьюритизации, тогда как в репрезентациях Китайского Другого очевидно стремление к десекьюритизации.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что образы Американского и Китайского Другого – это символический ресурс, которым президенты РФ активно пользуются в контексте легитимации политического курса. Однако их функционал заметно различается. Несмотря на очевидное различие оценок (Китайский Другой чаще упоминается в позитивном смысле, нежели Американский), образ Китайского Другого почти не несет "экзистенциальной" нагрузки. В его репрезентации активно используется стратегия десекьюритизации. Напротив, Американский Другой, несмотря на то, что он часто представляется с негативной оценкой и в качестве угрозы Нашей безопасности, сохраняет значительный "экзистенциальный" потенциал. Это, безусловно, можно рассматривать как свидетельство большей значимости США в качестве Другого, по отношению к которому формируется идентичность макрополитического

[10] Пресс-конференция Владимира Путина. – *Портал "Президент России"*. 20.12.2012. Доступ: http://kremlin.ru/news/17173 (проверено 07.10.2015).

[11] Стенографический отчет о заседании Государственного совета. 2012. 27 декабря. – *Портал "Президент России"*. 27.12.2012. Доступ: http://www.kremlin.ru/transcripts/17232 (проверено 07.10.2015).

[12] Большая пресс-конференция Владимира Путина. – *Портал "Президент России"*. 18.12.2014. Доступ: http://kremlin.ru/events/president/news/47250 (проверено: 07.10.2015).

сообщества, стоящего за Российским государством. Причем такое положение вещей сохраняется вопреки изменению вектора внешней политики. Несмотря на явное стремление В. Путина представить развитие отношений с КНР на фоне глубокого кризиса отношений с западными партнерами как "поворот на восток", его собственная риторика свидетельствует о том, что США по-прежнему остаются главным Значимым Другим, тогда как КНР – преимущественно партнером, взаимодействие с которым важно с политической и экономической точки зрения, но не столь существенно для идентификации Нас.

Разумеется, этот вывод сделан на ограниченном эмпирическом материале. Он характеризует практику обращения к Американскому и Китайскому Другому в выступлениях национальных лидеров, решавших задачу объяснения и оправдания политического курса. Данная практика может считаться репрезентативной для оценки значимости Другого, поскольку предполагает артикуляцию смыслов, соответствующих представлениям аудитории и способных ее убеждать. Разумеется, для полноценной оценки значимости Другого необходим анализ различных сегментов публичного дискурса. Тем не менее наш анализ позволяет увидеть ограничения возможности прагматического использования Другого, связанные с наличной конфигурацией разделяемых представлений о нем.

Именно этим обстоятельством, на наш взгляд, можно отчасти объяснить слабость "экзистенциальной" функции Китайского Другого в рассмотренном нами контексте, несмотря на его "объективный" потенциал: продолжительность и интенсивность исторических контактов, статус быстро развивающейся страны, способной служить образцом и др. Исторически сложившиеся паттерны конструирования Китайского Другого (в качестве "отсталого" Востока [Said 1979], "младшего брата СССР" [Hopf 2002: 128] и т.п.) не предполагают "экзистенциального" уподобления ему. Хотя сегодняшний Китай мало соответствует старым стереотипам, их пересмотр затрудняется очевидным нежеланием пересматривать прежние иерархические конструкции.

Дилигенский Г.Г. 2002. Хочет ли Россия дружить с Западом? – *Запад и западные ценности в российском общественном сознании*. М.: ИМЭМО РАН. С. 86-102.

Крестинина Е.С. 2011. Образ "другого" в структуре современной идентичности российского общества. – *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 117-124.

Лукин А.В. 2007. *Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII-XXI веках*. М.: АСТ: Восток-Запад. 608 с.

Малинова О.Ю. 2012. Символическая политика: контуры проблемного поля. – *Символическая политика. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс*. М.: ИНИОН РАН. С. 5-16.

Малинова О.Ю. 2015. Концепт "другого" в исследованиях идентичности: анализ современных дискуссий. – *Политическая наука*. № 4. С. 154-169.

Морозов В. 2009. *Россия и Другие: Идентичность и границы политического сообщества*. М.: Новое литературное обозрение. 656 с.

Попова О.В. 2011. Образ "Другого". – *Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий*. Отв. ред. И.С. Семененко. М.: РОССПЭН. С. 190-193.

Поцелуев С.П. 2012. "Символическая политика": К истории концепта. – *Символическая политика. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс*. М.: ИНИОН РАН. С. 17-53.

Романова А.П., Хлыщева Е.В., Якушенков С.Н., Топчиев М.С. 2013. *Чужой и культурная безопасность*. М.: РОССПЭН. 215 с.

Abizadeh A. 2005. Does Collective Identity Presuppose an Other? On the Alleged Incoherence of Global Solidarity. – *American Political Science Review*. Vol. 99. No. 1. P. 45-60. DOI: http://dx.doi.org/10.1017.S0003055405051488

Berenskoetter F. 2007. Friends, There Are No Friends? An Intimate Reframing of the International. – *Millennium – Journal of International Studies*. Vol. 35. No. 3. P. 647-676. DOI: http://dx.doi.org/10.1177/03058298070350031501

Brysk A. 1995. "Hearts and Minds": Bringing Symbolic Politics Back In. – *Polity*. Vol. 27. No. 4. P. 559-585. DOI: http://dx.doi.org/10.2307/3234960

Bukh A. 2009. Identity, Foreign Policy and the 'Other': Japan's 'Russia'. – *European Journal of International Relations*. Vol. 15. No 2. P. 319-345. DOI: http://dx.doi.org/10.1177/1354066109103141

Buzan B., Waever O., de Wilde J. 1998. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, L.: Lynne Rienner Publishers, Inc. 239 p.

Campbell D. 1992. *Writing Security. United States Foreign Policy and the Politics of Identity*. Manchester: Manchester University Press. 269 p.

Diez Th. 2004. Europe's Others and the Return of Geopolitics. – *Cambridge Review of International Affairs*. Vol. 17. No 2. P. 319-335. DOI: http://dx.doi.org/10.1080/0955757042000245924

Johnson C., Coleman A. 2012. The internal Other: Exploring the Dialectical Relationship between Regional Exclusion and the Construction of National Identity. – *Annals of the Association of American geographers*. Vol. 102. No 4. P. 863-880. DOI: http://dx.doi.org/10.1080/00045608.2011.602934

Hopf T. 2002. *Social Construction of International Politics: Identities and Foreign Policies, Moscow, 1955 and 1999*. Ithaca: Cornell University Press. 299 p.

McDonagh K. 2015. 'Talking the Talk or Walking the Walk': Understanding the EU's Security Identity. – *Journal of Common Market Studies*. Vol. 53. No. 3. P. 627-641. DOI: http://dx.doi.org/10.1111/jcms.12195

Morozov V., Rumelili B. 2012. The external constitution of European identity: Russia and Turkey as Europe-makers. – *Cooperation and Conflict*. Vol. 47. No. 1. P. 28-48. DOI: http://dx.doi.org/10.1177/0010836711433124

Neumann I.B. 1999. *Uses of the Other. "The East" in European Identity Formation*. Manchester: Manchester University Press. 281 p.

Norton A. 1993. *Reflections on Political Identity*. Baltimore: The John Hopkins University Press. 209 p.

Petersoo P. 2007. Reconsidering Otherness: Constructing Estonian Identity. – *Nations and Nationalism*. Vol. 13. No. 1. P. 117-133. DOI: http://dx.doi.org/10.1111/j.1469-8129.2007.00276.x

Prozorov S. 2011. The Other as Past and Present: Beyond the Logic of "Temporal Othering" in IR Theory. – *Review of International Studies*. Vol. 37. No. 3. P. 1273-1293. DOI: http://dx.doi.org/10.1017/S0260210510000586

Representations of the "Other/s" in the Mediterranean World and Their Impact on the Region. Ed. by N. Kuran-Burçoğlu, S. Gilson-Miller. 2005. Istanbul: Isis Press. 312 p.

Rumelili B. 2004. Constructing Identity and Relating to Difference: Understanding the EU's Mode of Differentiation. – *Review of International Studies*. Vol. 30. No. 1. P. 27-47. DOI: http://dx.doi.org/10.1017/S0260210504005819

Said E.W. 1979. *Orientalism*. N.Y.: Vintage books. 394 p.

Smith A.D. 1992. National Identity and the Idea of European Unity. – *International affairs*. Vol. 68. No. 1. P. 56-76. DOI: http://dx.doi.org/10.2307/2620461

Tekin B.Ç. 2010. *Representations and Othering in Discourse: the Construction of Turkey in the EU Context*. Amsterdam etc.: John Benjamin's Publishing. 270 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1075/dapsac.39

Todorov T. 1992. *The Conquest of America. The Question of the Other.* N.Y.: Harper Perennial. 274 p.

Triandafyllidou A. 1998. National Identity and the 'Other'. – *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 21. No. 4. P. 593-612. DOI: http://dx.doi.org/10.1080/014198798329784

Waever O. 1996. European Security Identities. – *Journal of Common Market Studies*. Vol. 34. No. 1. P. 103-132. DOI: http://dx.doi.org/10.1111/j.1468-5965.1996.tb00562.x

DOI: 10.17976/jpps/2016.02.03

RHETORIC OF POLITICAL LEADERS AS AN INDICATOR OF SIGNIFICANCE OF THE OTHER: COMPARATIVE ANALYSIS OF REFERENCES TO THE USA AND PRC IN THE CONTEXT OF LEGITIMIZATION OF POLITICAL COURSE OF THE RUSSIAN PRESIDENTS (2000-2015)

O.Yu. Malinova[1, 2]

[1]*National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia*

[2]*Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

MALINOVA Olga Yur'evna, Dr. Sci. (Philos.), Professor of the National Research University Higher School of Economics (HSE), chief research fellow, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences. Email: omalinova@gmail.com

Received: 23.12.2015. Accepted: 11.01.2016

Acknowlegment. The research was supported by the Russian Foundation for Humanities (project No. 14-03-00490a)

Abstract. The article starts with considering theoretical problems of the concept of the Other that points to the out-group in dialogical (co)relation with which the identity of the Self is constructed. This concept describes a fundamental and manifold phenomena that needs to be specified and classified. The author argues that a solution of theoretical issues about the figure of the Other lays in the field of empirical research. In particular, the issue of "significance" of the Other for constituting the Self could be decided only on the basis of systematic study of social practices that essentially rely on (co)relation with particular out-groups. Political rhetoric could be a good field for study of symbolic functions of the Other and factors that determine its significance. Shared representations of the Other are not only an important element of identity construction but also an instrument of the symbolic politics, i.e. public activity aimed at production and dissemination / intrusion of competing visions of social reality. The article demonstrates how a study of patterns of representation of particular macro political communities allows to assess their relative "significance". Basing on theoretical insights from the literature the author proposes a research method that includes manual coding of the frames of representation of the Other in the context of legitimization of political course with subsequent counting of their frequency added by discourse analysis of each group of frames. This method is tried on the case of comparative analysis of frames of representation of the American and Chinese Others in the rhetoric of the presidents of the Russian Federation (from 2000 to 2015).

Keywords: Significant Other; macro political identity; symbolic politics; political rhetoric; frame; mixed methods; image of the USA; image of China.

References

Abizadeh A. Does Collective Identity Presuppose an Other? On the Alleged Incoherence of Global Solidarity. – *American Political Science Review*. 2005. Vol. 99. No. 1. P. 45-60. DOI: http://dx.doi.org/10.1017.S0003055405051488

Berenskoetter F. Friends, There Are No Friends? An Intimate Reframing of the International. – *Millennium – Journal of International Studies*. 2007. Vol. 35. No. 3. P. 647-676. DOI: http://dx.doi.org/10.1177/03058298070350031501

Brysk A. "Hearts and Minds": Bringing Symbolic Politics Back In. – *Polity*. 1995. Vol. 27. No. 4. P. 559-585. DOI: http://dx.doi.org/10.2307/3234960

Bukh A. Identity, Foreign Policy and the 'Other': Japan's 'Russia'. – *European Journal of International Relations*. 2009. Vol. 15. No. 2. P. 319-345. DOI: http://dx.doi.org/10.1177/1354066109103141

Buzan B., Waever O., de Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, London: Lynne Rienner Publishers, Inc. 1998. 239 p.

Campbell D. *Writing Security. United States Foreign Policy and the Politics of Identity*. Manchester: Manchester University Press. 1992. 269 p.

Diez Th. Europe's Others and the Return of Geopolitics. – *Cambridge Review of International Affairs*. 2004. Vol. 17. No. 2. P. 319-335. DOI: http://dx.doi.org/10.1080/0955757042000245924

Diligensky G.G. Khochet li Rossiya druzhit' s Zapadom? [Does Russia Want to be Friends with the West?]. – *Zapad i zapadnye tsennosti v rossiiskom obshchestvennom soznanii* [The West and the Western Values in the Russian Public Consciousness]. Moscow: IMEMO RAS. 2002. P. 86-88. (In Russ.)

Johnson C., Coleman A. The Internal Other: Exploring the Dialectical Relationship Between Regional Exclusion and the Construction of National Identity. – *Annals of the Association of American geographers*. 2012. Vol. 102. No. 4. P. 863-880. DOI: http://dx.doi.org/10.1080/00045608.2011.602934

Hopf T. *Social Construction of International Politics: Identities and Foreign Policies, Moscow, 1955 and 1999*. Ithaca: Cornell University Press. 2002. 299 p.

Krestinina Ye.S. Image of "the Other" in the Structure of Modern Identity of Russian Society. – *Polis. Political Studies*. 2011. No. 4. P. 117-124. (In Russ.)

Lukin A.V. *Medved' nablyudaet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII-XXI vekakh* [Lukin A.V. The Bear Watches the Dragon. The Image of China in Russia, 17th – 21st centuries]. Moscow: AST: Vostok – Zapad. 2007. 608 p. (In Russ.)

Malinova O.Yu. Simvolicheskaya politika: kontury problemnogo polya [Symbolic Politics: Contours of the Subject Field]. – *Simvolicheskaya politika. Vypusk 1: Konstruirovanie predstavlenii o proshlom kak vlastnyi resurs* [Symbolic Politics. Issue 1: Constructing Notions of the Past as a Power Resource]. Moscow: INION RAS. 2012. P. 5-16. (In Russ.)

Malinova O.Yu. The Concept of the "Other" in Identity Studies: Analysis of Recent Discussions. – *Politicheskaia nauka*. 2015. № 4. P. 154-169. (In Russ.)

McDonagh K. 'Talking the Talk or Walking the Walk': Understanding the EU's Security Identity. – *Journal of Common Market Studies*. 2015. Vol. 53. No. 3. P. 627-641. DOI: http://dx.doi.org/10.1111/jcms.12195

Morozov V. *Rossiya i Drugie: Identichnost' i granitsy politicheskogo soobshchestva* [Morozov V. Russia & the Others: Identity and the Boarders of Political Community]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 2009. 656 p. (In Russ.)

Morozov V., Rumelili B. The External Constitution of European Identity: Russia and Turkey as Europe-makers. – *Cooperation and Conflict*. 2012. Vol. 47. No. 1. P. 28-48. DOI: http://dx.doi.org/10.1177/0010836711433124

Neumann I.B. *Uses of the Other. "The East" in European Identity Formation*. Manchester: Manchester University Press. 1999. 281 p.

Norton A. *Reflections on Political Identity*. Baltimore: The John Hopkins University Press. 1993. 209 p.

Petersoo P. Reconsidering Otherness: Constructing Estonian Identity. – *Nations and Nationalism*. 2007. Vol. 13. No. 1. P. 117-133. DOI: http://dx.doi.org/10.1111/j.1469-8129.2007.00276.x

Popova O.V. Obraz "Drugogo" [The Image of "the Other"]. – *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti. Tom 1: Identichnost' kak kategoriya politicheskoi nauki: slovar' terminov i ponyatii. Otv. red. I.S. Semenenko* [Political Identity and the Politics of Identity. Vol. 1: Identity as a Category of Political Science: A Dictionary of Terms and Concepts. Ed. by I.S. Semenenko]. Moscow: ROSSPEN. 2011. P. 190-193. (In Russ.)

Potseluev S.P. "Simvolicheskaya politika": K istorii kontsepta ["Symbolic politics": To the History of the Concept]. – *Simvolicheskaya politika. Vypusk 1: Konstruirovanie predstavlenii o proshlom kak vlastnyi resurs* [Symbolic Politics. Issue 1: Constructing Notions of the Past as a Power Resource]. Moscow: INION RAS. 2012. P. 17-53. (In Russ.)

Prozorov S. The Other as Past and Present: Beyond the Logic of "Temporal Othering" in IR Theory. – *Review of International Studies*. 2011. Vol. 37. No. 3. P. 1273-1293. DOI: http://dx.doi.org/10.1017/S0260210510000586

Representations of the "Other/s" in the Mediterranean World and Their Impact on the Region. Ed. by N. Kuran-Burçoğlu, S. Gilson-Miller. Istanbul: Isis Press. 2005. 312 p.

Romanova A.P., Khlyshcheva E.V., Yakushenkov S.N., Topchiev M.S. *Chuzhoi i kul'turnaya bezopasnost'* [The Stranger and Cultural Security]. M.: ROSSPEN. 2013. 215 p. (In Russ.)

Rumelili B. Constructing Identity and Relating to Difference: Understanding the EU's Mode of Differentiation. – *Review of International Studies*. 2004. Vol. 30. No. 1. P. 27-47. DOI: http://dx.doi.org/10.1017/S0260210504005819

Said E.W. *Orientalism*. New York: Vintage books. 1979. 394 p.

Smith A.D. National Identity and the Idea of European Unity. – *International affairs*. 1992. Vol. 68. No. 1. P. 56-76. DOI: http://dx.doi.org/10.2307/2620461

Tekin B.Ç. *Representations and Othering in Discourse: the Construction of Turkey in the EU Context*. Amsterdam etc.: John Benjamin's Publishing. 2010. 270 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1075/dapsac.39

Todorov T. *The Conquest of America. The Question of the Other*. N.Y.: Harper Perennial. 1992. 274 p.

Triandafyllidou A. National Identity and the 'Other'. – *Ethnic and Racial Studies*. 1998. Vol. 21. No. 4. P. 593-612. DOI: http://dx.doi.org/10.1080/014198798329784

Waever O. European Security Identities. – *Journal of Common Market Studies*. 1996. Vol. 34. No. 1. P. 103-132. DOI: http://dx.doi.org/10.1111/j.1468-5965.1996.tb00562.x